

ИСТОРИОСОФИЯ РЕВОЛЮЦИИ В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ XX ВЕКА

О.Т. ЕРМИШИН

О русской революции 1917 г. написаны горы книг, и до сих пор о ней существует множество мнений. Очень показателен разброд оценок даже среди современников и очевидцев революционных изменений. Например, в среде писателей и поэтов одни романтизировали революцию (яркий пример тому – «Двенадцать» А.А. Блока), другие – ее проклинали и демонизировали (в этом плане характерны «Окаянные дни» И.А. Бунина, сборник «Царство Антихриста» со статьями Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, Д.В. Filosofova, Вл. Злобина). В понимании революции часто преобладали эмоциональность и субъективность, вызванные личными переживаниями и впечатлениями. И только отдельные авторы в своих размышлениях поднимались над трагической действительностью до историософского осмысления революции. Революция и ее трагические последствия стали насущной проблемой для тысяч русских эмигрантов, и вполне естественно, что выдающиеся русские мыслители, оказавшиеся в эмиграции, искали ответ на вопрос о смысле произошедшей с Россией трагедии, о причинах катастрофы, которая случилась с русской и европейской культурой.

В наше время вновь раздаются призывы к революции, а в общественном сознании формируется классический миф о том, что революция может кардинально изменить жизнь к лучшему. Среди борьбы политических страстей всегда полезно вспомнить об уроках истории, которые учат, что ни одна революция не обходилась без многочисленных жертв и серьезных общественных потрясений. За нами остается выбор – повторять ошибки истории или попытаться осмыслить опыт прошлого, в том числе интеллектуальный опыт, оставленный современниками революций.

В русской эмиграции к историософским размышлениям о сущности русской революции обращались многие авторы, но остановим внимание только на тех, кто демонстрировал глубокий и взвешенный подход к осмыслению революционной катастрофы. В ограниченных рамках статьи не будем касаться радикальных противников или апологетов революции, которые чаще всего руководствовались политическими или идеологическими мотивами.

Интересный исследовательский опыт представляет «История великой русской революции» Б.В. Яковенко, отрывок из которой публикуется ниже в этом же номере журнала. Книга Б.В. Яковенко – это одновременно историческое и историософское исследование. За исторической реконструкцией революции автор пытался разглядеть диа-

лектику событий, уяснить главные тенденции их развития. Годы революции и Гражданской войны Яковенко прожил в Италии (с 1913 г.). С одной стороны, он смотрел на русскую революцию издалека, с другой – происходящее в России вызывало его большой интерес, основанный на личных демократических убеждениях. В результате размышлений Яковенко появляются две его работы, посвященные русской революции: книга «История великой русской революции» (закончена в 1922 г., не была опубликована) и работа «Философия большевизма» (1921). Свое противоречивое отношение к русской революции Яковенко высказал в начале «Истории великой русской революции», в посвящении своей матери, в котором писал: «... всю жизнь мы помышляли о великой русской революции, потом тревожно и горестно переживали ее, потом кляли и оплакивали, но все же сумели понять и простить».

Яковенко признавал, что после февральской революции 1917 г., которая «была чиста и хороша», в октябре Россия «окунулась в море преступлений»¹, а итогом стала большевистская система политико-социального деспотизма. Однако понять революцию ему помогла вера в то, она есть не только разрушение, но и источник новой жизни. Все черты русской революции Яковенко охарактеризовал под общим названием «философия большевизма», вместе с тем доказывая, что большевизм будет рано или поздно преодолен, а в будущей истории человечества восторжествуют принципы духовно-нравственной свободы. Ранее неизвестный труд Яковенко о русской революции еще ждет своих читателей и исследователей.

Далее необходимо вспомнить о статье С.Л. Франка «Религиозно-исторический смысл русской революции» (1924). Франк считал, что для понимания революции нужно преодолеть внешний слой политики и обратиться к познанию исторической судьбы народа, определяющих ее духовных сил. По мнению Франка, Россия и русский народ переживают в революции некий итог общеевропейской истории, которая прошла через Ренессанс, Реформацию, культ научного знания, социализм, в целом – через эпоху безграничной веры в рациональное устройство жизни. Франк подчеркивал: «Глубокий духовный кризис, переживаемый теперь русским народом, есть завершение и вместе с тем поворотный пункт пути, по которому идет все человечество»².

В общеевропейский исторический процесс Россия оказалась вовлечена еще со времени Петра I, который у Франка представлен революционным радикалом и назван «первым русским нигилистом». Нигилистический рационализм есть тот исторический корень, из которого родилась, по Франку, русская революция. В истории, по мнению Франка, действуют духовные законы, которыми определяется исторический процесс развития в его фактической действительности.

Духовный закон революции направлен на отрицание, которое практически означает борьбу за самочинное и рациональное устроение жизни. Для психологии революционера характерны безграничная вера в свою самочинную волю и отрицание каких-либо объективных духовных законов жизни. От революционеров к народным массам передается «наивная вера во всемогущество науки, в возможность при помощи науки технически организовать жизнь, так что будет достигнуто высшее, последнее ее совершенство»³.

Итогом революции в метафизическом плане, как считает Франк, является отрыв человеческой личности от онтологических корней. В результате человек перестает быть самобытной духовной личностью, а превращается в природное существо, подчиненное материальной власти и материальному благополучию. Можно сказать, следуя за размышлениями С.Л. Франка, что в результате революции происходят не только общественные и экономические потрясения, но наступает антропологическая катастрофа, которую предпочитают иногда мягко называть «утратой традиционных ценностей». Сам Франк делал вывод: «Русская революция есть историческое *reductio ad absurdum*⁴, экспериментальное изобличение неправды идеала самочинного устроения жизни, руководившего человечеством за все последние века. В ее лице совершается крушение вавилонской башни, которая строилась человечеством в течение четырех веков»⁵.

Если Франк рассматривал метафизический смысл революции, то Л.П. Карсавин предлагал феноменологическое исследование революционного процесса. В статье «Феноменология революции» (1927) он сформулировал несколько этапов, через которые проходит развитие революции. Несмотря на навязчивые повторы, связанные с идеей симфонической личности (понятие, разработанное автором в период, когда он примыкал к евразийскому движению), Карсавин с историко-философской точки зрения блестяще показал диалектику революции, ее общие принципы вне зависимости от места и времени. Описывая конкретные проявления революции и приводя различные примеры (преимущественно из истории Французской революции XVIII в. и русской революции XX в.), он выделил универсальные тенденции и законы в революционном процессе. Революция начинается с постепенного вырождения правящего слоя, поэтому Карсавин дает ей определение: «Длительный процесс вырождения правящего слоя, уничтожение его национальной государственной стихией и создания нового правящего слоя и называют революцией»⁶. Как считал Карсавин, при вырождении правящий слой распадается на две части: слабеющее правительство и «будирующую» интеллигенцию, которая в борьбе с правительством наивно полагает, что выражает мнение народа. На самом деле интеллигенция сама относится к «старому режиму» и является просто продуктом его разложения, а правительство

гибнет, прежде всего, от отсутствия воли к власти. Карсавин сравнивает революцию с болезнью, когда для выздоровления требуется отторжение больных частей организма. Иначе говоря, необходимо появление вместо интеллигенции, ведущей пустые разговоры, новых сил, в которых воплотится здоровая государственность. Процессы как вырождения, так и выздоровления, могут предполагать разные варианты развития и временные сроки, но историческим итогом должно стать появление нового правящего слоя.

За периодом вырождения следует период анархии, который и вызывает «активное стремление государственной стихии себя осуществить, искание нового правящего слоя и новой власти, болезненное и медленное их нарождение»⁷. За анархией наступает третий этап, когда к власти приходят грубые силы в виде насильников, честолюбцев и фанатиков, которые для самоутверждения и самоорганизации образуют военноподобную партию (якобинцы, большевики). В борьбе за власть проходит чистка партии, в результате чего фанатики-идеологи уничтожаются или отодвигаются на второй план. На четвертом этапе революции в правящем слое остаются люди без идеологии, воплощающие власть как таковую. На этом заканчивается процесс революции, который оставляет за собой множество нерешенных проблем. Например, Карсавин пишет о проблеме политического синкретизма: «Прежде всего должен быть упорядочен хаос политических отношений, в котором старое перемешалось с новым, а новое частью случайно и ненужно, частью намечает существенное, но неудачно выражено и фрагментарно»⁸. Далее, необходимо создание основных национально-государственных идей, которые определялись бы не отвлеченной идеологией, а абсолютными ценностями, т.е. были бы, как пишет Карсавин, «индивидуализацией и конкретизацией общечеловеческой и Божьей идеи»⁹. Таким образом, всякая революция заканчивается проблемой, которая выражается в необходимости создать новую религиозную и народную идею государства. По мнению Карсавина, для России это означает выбор: «Быть или не быть России сознательно-религиозною, быть или не быть ей особым культурным миром»¹⁰. У Карсавина феноменология революции приводит к проблеме бытия или небытия России.

После рассмотренных статей целесообразно остановить внимание на книге, целиком посвященной теме «Россия и революция». Речь идет о книге Г.П. Федотова «И есть, и будет» (1932), в которой автор пытается подробно и непредвзято рассказать об «истории болезни», постигшей Россию. Будучи талантливым историком, Федотов разворачивает широкую историософскую картину, описывая и анализируя разные исторические силы, участвующие в подготовке и осуществлении революции. Сама Российская империя, созданная в XVIII в., содержала в себе противоречия, одно из которых Федотов образно

выразил в следующей формуле: «Московский православный царь в мундире гвардейского офицера, или петербургский гвардейский офицер, драпирующийся в бармы московского царя»¹¹. Между дворянством и народом существовала огромная пропасть отчуждения и непонимания, но все трещины социальной системы до поры, до времени скрепляла религиозная идея царя как помазанника Божия. Кроме двух основных сословий, были еще две силы, осложнявшие общую ситуацию — бюрократия и интеллигенция. По мнению Федотова, бюрократия страдала отсутствием творчества и воли к власти, а интеллигенция, даже участвуя в политической борьбе, боялась власти. Вырождение дворянства и бюрократии подтолкнули интеллигенцию к деятельности, которая определялась моральным, почти религиозным пафосом. Федотов замечал: «В интеллигенции говорила праведная тревога за Россию и праведное чувство ответственности. Но вся политическая деятельность интеллигенции была сплошной трагедией»¹². Одной из сторон трагедии была неспособность интеллигенции пробиться к народу, преодолеть его недоверие. Презрение простого народа к интеллигентам мешало интеллигенции говорить от имени народа, считать себя его представителями. Отвлеченность и беспочвенность интеллигенции очевидна для Федотова, который пишет: «Масса российской интеллигенции тучнела или тошала в четырех стенах кабинетов — обреченный на заклятие, убойный скот революции»¹³. По мысли Федотова, религиозно-сектантская борьба интеллигенции с самодержавием закончилась гибелью обоих противников в 1917 г.

Как считал Федотов, революция началась задолго до ее реального развития. Система государства сохраняла равновесие, пока его не нарушила реформа 1861 г. Как ранее, при Екатерине II, дворянство было освобождено от обязательной военной службы (прямого своего назначения), так теперь крестьянин был освобожден от власти помещика, но не получил земли в личную собственность, и в результате, по выражению Федотова, начался процесс брожения. Выходом из социальных противоречий могла стать опора монархии не на дворянство, а на крестьянство, т.е. путь, указанный Ф.М. Достоевским и почвенниками. Федотов пишет: «Россия должна была перестраиваться: из дворянской в крестьянско-купеческую»¹⁴. Однако этого не произошло. Два последних шанса, по выражению Федотова, не были использованы: революция 1905 г. и контрреволюция П.А. Столыпина. Россия медленно скатывалась в революцию, обвал был неизбежен.

Революция 1917 г. стала для России стихийной катастрофой, и поэтому имела еще более тяжелые последствия. Федотов описывал социальные силы, подготовившие революцию, но вместе с тем не отрицал и роль личности в развитии революционных событий. Он признавал решающую роль двух людей: «Эти два человека — Николай II

и Ленин. Первый спустил революцию, второй направил ее по своему пути»¹⁵. Федотов считал, что в революции были две главные стадии — распад и созидание власти. Большевики оказались единственной силой, способной к созиданию власти. Им не могли противостоять ни дворянство, ни бюрократия, ни интеллигенция, так как большевики как партия руководствовались в практической деятельности деспотическим централизмом, классовой ненавистью и принципиальным имморализмом. Далее Федотов дает следующую оценку ситуации после завершения революции: с одной стороны, он считал, что к концу 1920 г. большевизм выполнил историческую миссию, с другой стороны — он перешел к самовольному творчеству и фальсификации: «Россия, под именем диктатуры, получила самодержавие, а под именем социализма — всеобщее крепостное состояние — в формах, небывалых в ее истории»¹⁶. Федотов глубоко проанализировал историю русской революции, ее истоки и последовательное развитие. Однако на этом он не остановился, но, обладая пронизательным умом историка, дал свой прогноз на будущее: «Революция загнивает, и гниение ее, как некогда монархии, отравляет все тело России... Россия снова идет навстречу катастрофе: стихийному взрыву доведенных до отчаяния масс...»¹⁷ Прогноз Федотова во многом подтвердился, что позволяет сделать вывод: революции, разрушая, создают новые противоречия, поэтому путь эволюции представляется более надежным.

Историософия революции получает в русском зарубежье мощное завершение в 10-томной эпопее А.И. Солженицына «Красное колесо» (написана в 1969 — 1989 гг.) и ряде его публицистических статей. Конечно, эта тема требует специального и подробного исследования (первые опыты в этом направлении уже сделаны¹⁸). Однако в рамках данной статьи стоит остановиться на том, что у А.И. Солженицына в понимании революции является оригинальным, а что продолжает эмигрантскую историософскую традицию. Безусловно, «Красное колесо» — это не ряд личных (тем более, субъективных) размышлений, а широкая и объемная историческая панорама. Автор фокусирует внимание на отдельных исторических моментах («узлах»), которые показывают приближение, а затем совершение революции. В отличие от большинства эмигрантских авторов А.И. Солженицын не просто анализирует историческую действительность, а конкретно показывает ее посредством литературных персонажей. Вместе с тем он дает огромный массив документов, который параллельно, помимо литературного сюжета, позволяет приблизиться к пониманию исторических фактов, т.е. читателю предоставляется возможность самому думать и осмысливать суть событий, происходящих в «Красном колесе».

Однако историческая и литературная части повествования находятся в тесной органической связи. Историософский и символический смысл носит в начале романа «Август четырнадцатого» разговор Сани

с Л.Н. Толстым о добре и зле. Затем эта тема добра и зла проходит через весь контекст «Красного колеса». Автор не поучает, не навязывает свое мнение, но искусно показывает, что добро есть личная добродетель, а зло может превратиться в надчеловеческую и страшную стихию. Добро утверждается в человеке усилиями, через личное мужество и личную веру. Зло, зародившись в отдельных умах и найдя благоприятную почву, начинает захватывать все большие массы людей, подчинять их себе, создавать хаос и разрушение. Солженицын передает нарастание этого хаоса и постепенное разрушение гармонии: если роман «Август четырнадцатого» начинается с размеренного повествования об устроенной жизни России, где даже первые признаки приближающейся катастрофы (война) почти не ощущаются, то затем от «узла» к «узлу» темп событий убыстряется, страсти накаляются, люди попадают в поток зла, где дьявол играет людьми. Центральный символ А.И. Солженицына — «Красное колесо». Оно катится, набирает скорость и уничтожает личности, которые уже не могут противостоять стихии. Вся эпопея Солженицына о революции — это, по сути, ответ на вопрос о природе зла, как Л.Н. Толстому, так и всей интеллигенции с ее наивностью, нигилизмом и отвлеченными рассуждениями.

В сравнении с историософией русского зарубежья более традиционны публицистические статьи А.И. Солженицына. В статье «Черты двух революций» А.И. Солженицын дает сравнительный анализ Французской революции XVIII в. и Русской революции XX в., находя как сходства, так и отличия. Его общий вывод: обе революции были идеологическими, т.е. они были подготовлены в просвещении, философии, публицистике. По мнению Солженицына, идеология всегда предшествует революции. Революционные идеи либеральной демократии и социализма могут легко овладевать умами и распространяться, отравляя души. А.И. Солженицын дает одну очень существенную подсказку, чем революционная идеология отличается от просто политических моделей демократии или социализма, которые могут существовать и без всяких революций: идеология агрессивна (стремится «освободить все человечество», т.е. подчинить его себе) и антирелигиозна, так как претендует сама стать религией и не терпит соперников. По мнению А.И. Солженицына, революции всегда имеют одну существенную черту: они ведут к регрессу, образуют движение к худшему, приносят неисчислимые потери. Остановить революцию трудно, практически невозможно в силу ее «инерции разгонного качения».

В статье «Размышления над Февральской революцией» А.И. Солженицын суммирует отдельные выводы, сделанные эмигрантскими авторами, но дополняет их своими личными замечаниями и формулировками. Он указывает на очевидные факты, зафиксированные у

ряда авторов (например, в вышеупомянутой книге Г.П. Федотова): революция совершилась стихийно, без непосредственного участия революционеров, которые уже потом попытались придать ей идеологическое содержание; российская власть, правительство, монархисты страдали безволием и просто отказались от борьбы. В отличие от Г.П. Федотова, который просто называл одним из виновников революции Николая II, А.И. Солженицын более подробно останавливается на вине отрекшегося императора. Он пишет: «Монархия — сильная система, но с монархом не слишком слабым. Быть христианином на троне — да, — но не до забвения деловых обязанностей, не до слепоты к идущему развалу»¹⁹. Признавая общую расшатанность власти к 1917 г., А.И. Солженицын вменяет в личную вину Николаю II нерешительность, назначение на высшие посты в государстве посредственных деятелей (единственное исключение — П.А. Столыпин), принесение государственного долга в жертву христианскому миролюбию.

Особенно А.И. Солженицын обращает внимание на правовую сторону революции. В отказе от законности и правовых основ революция уже совершила свой первый и решительный шаг к будущим беззакониям. Император Николай II отрекся от престола и за себя, и за сына, хотя никакие законы Российской империи этого не предусматривали, его брат Михаил передал власть несуществующему Учредительному собранию, а фактически — Временному правительству. А.И. Солженицын комментирует: «Большого беззакония никогда не было совершено ни в какое царское время: любая “реакция” всегда опиралась на сформулированный и открыто объявленный закон. Здесь же похищались все виды власти сразу — и необъявленно». Главные выводы А.И. Солженицын делает в конце статьи, рассуждая о причинах революции. Он считает, что есть смысл говорить не о поверхностных, а о глубоких причинах. К последним Солженицын относит две: давний конфликт общества и власти, отступничество от веры. Он пишет: «Я еще сам хорошо помню, как в 20-е годы многие старые деревенские люди уверенно объясняли: — Смута послана нам за то, что народ Бога забыл. И я думаю, что это привременное народное объяснение уже глубже всего того, что мы можем достичь к концу XX века самыми научными изысканиями». Революция есть Божий суд над человечеством, в ней действуют высшие, метафизические законы — итог историсофских размышлений А.И. Солженицына.

Чем в начале XXI в. актуально наследие, оставленное мыслителями русского зарубежья, применительно к проблеме революции? Из рассмотренных выше работ можно сделать вывод: революция есть болезнь, от которой не так легко избавиться, но, чтобы вылечиться, надо знать ее особенности и представлять пути излечения. Авторы, писавшие в эмиграции о революции, верили в то, что большевизм рано или поздно падет, но понимали все возможные последствия

длительной коммунистической диктатуры и трудности в их преодолении. Они думали, что вместе с падением большевизма произойдет всенародное покаяние и очищение, которое станет основой для возрождения России. К сожалению, этого не произошло. Для защиты от революции, призрак которой снова бродит по всему миру, остается надеяться только на самое простое и понятное: чувство национального самосохранения, стремление к духовной солидарности и элементарный здравый смысл, благодаря которому можно отличить позитивное идейное содержание от очередной идеологической провокации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Яковенко Б.В. Философия большевизма // Яковенко Б.В. Мощь философии. – СПб., 2000. С. 922.

² Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Проблемы русского религиозного сознания. – Берлин, 1924. С. 292.

³ Там же. С. 297.

⁴ сведение к абсурду (*лат.*)

⁵ Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции. С. 320.

⁶ Карсавин Л.П. Феноменология революции // Русский узел евразийства. – М., 1997. С. 158.

⁷ Там же. С. 168.

⁸ Там же. С. 189.

⁹ Там же. С. 191.

¹⁰ Там же. С. 200.

¹¹ Федотов Г.П. И есть, и будет // Федотов Г.П. Собр. соч. В 12 т. Т. 5. – М., 2011. С. 11.

¹² Там же. С. 26.

¹³ Там же. С. 30.

¹⁴ Там же. С. 54.

¹⁵ Там же. С. 58.

¹⁶ Там же. С. 83.

¹⁷ Там же. С. 88.

¹⁸ Например, см.: Немзер А.С. «Красное колесо» Александра Солженицына: Опыт прочтения. – М., 2011.

¹⁹ Здесь и далее цит. по: URL: http://solzhenicyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_305.html

Аннотация

В статье дан обзор историсофских размышлений о революции в работах мыслителей русского зарубежья XX в. (Б.В. Яковенко, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, Г.П. Федотов, А.И. Солженицын). Всех рассмотренных авторов объединяет стремление разобраться в причинах революции, понять законы ее развития. Революция, осмысленная с историсофской точки зрения, предстает как общенародная болезнь, излечение от которой имеет большие трудности. По мнению

автора статьи, на вопрос о сущности революции мыслители русского зарубежья дали ответы, которые сохраняют актуальность в начале XXI в.

Ключевые слова: историсофия, революция, русская история, государство, политика, идеология, рационализм, интеллигенция, религия.

Summary

The article gives an overview of historiosophical thoughts on revolution in the works of Russian emigrant thinkers of the 20th century (B. Yakovenko, S. Frank, L. Karsavin, G. Fedotov, A. Solzhenitsyn). All the considered authors share the effort to find the reasons for revolution, understand the laws of its development. Revolution, interpreted from the historiosophical point of view, appears as a national illness that is difficult to be cured. The author believes that Russian emigrant thinkers gave such answers to the question on the essence of revolution that are still relevant in the beginning of the 21st century.

Keywords: historiosophy, revolution, russian history, state, politics, ideology, rationalism, intelligentsia, religion.

Обращаем внимание читателей, что в серии «Философия России первой половины XX века» вышел том, посвященный Б.В. Яковенко. Издание составлено из статей, написанных в разное время отечественными, чешскими и итальянскими учеными. Редактор-составитель А.А. Ермичев.

Развернутая информация о выходящих томах Серии будет дана в одном из ближайших номеров нашего журнала.